

ЗАВТРА — 120 лет
со дня рождения
выдающегося
русского актера
К. А. ВАРЛАМОВА

Завтра советский русский театр отмечает знаменательную дату — 23 мая 1848 года родился один из корифеев нашего театра «царь русского смеха», единственный и неповторимый комик в истории отечественного театрального искусства Константин Александрович Варламов. Сын известного юмориста Александра Егоровича Варламова — автора очесочных романсов, Константин Александрович очень рано проявился и театральному искусству и отдал служению ему всю свою жизнь, свой блестящий талант.

Варламовы были людьми весьма скромного достатка, и потому Константин Александрович не мог получить нужного образования. 19 лет он поступает в небольшую Кронштадтский театр, руководимый А. М. Читау-Огаревой. Женщина передовых взглядов того времени, человек большого художественного вкуса и культуры, она вместе с ученицей М. С. Щепкиной талантливым педагогом А. А.

Шуберт значительно повлияла на художественное формирование будущего артиста.

Варламов, как и многие русские актеры, прошел суровую, трудную школу в провинциальных театрах России. Начало расцвета таланта К. А. Варламова видели театры Вильно, Саратова, Казани, Нижнего Новгорода. Огромное сценическое обаяние, необычайная простота и искренность исполнения сделали Варламова вскоре известным комедийным артистом. В 1875 году Варламов вступил в труппу петербургского Александринского театра, где и играл до последних дней своей жизни.

Десятки ярких образов, созданных замечательным артистом, украсили наше театральное искусство и стали для многих актеров примером служения родной сцене.

Варламов любил и искусство водевиля, и оперетты, и легкой комедии, и дивертисмента, но больше всего тяготел к ролям классического репертуара. Излюбленными для него были образы Гамлета. Роль Яичницы («Женитьба») стала подлинным его шедевром. Варламов — Яичница был страшен: это не просто помехи на медведя экзекютора, а какое-то олицетворение всей старой чиновничьей системы, всего режима Николая Палкина, всей николаевской России...

Пятьдесят пьес написал Островский. Варламов играл в двадцать девять. В них он создал сорок человеческих характеров, нашел для каждого свежие штрихи и новые краски. Варламов был одним из «последних моголанов» старой «Александринки».

Сегодня мы печатаем отрывок из воспоминаний известного русского артиста Н. Н. Ходото-

„ДЯДЯ КОСТЯ“

ва, который не однажды встречался со знаменитым номинком на своем творческом пути, был большим поклонником таланта этого замечательного русского артиста.

И НОГДА с Варламовым забывали случаи, когда он позабывал давно иггранные роли. Тогда суфлер был для него плохим помощником, к тому же трусил дядя Костя до «сострясения в желудке». Как-то будучи на Кавказском курорте в Ессентуках (где Варламов часто лечился от полноты и ожирения сердца), С. В. Брагин, державший в 900-х годах антрепризу на Минеральных Водах, пригласил на ряд гастролей жившего там Варламова. На одном из гастрольных спектаклей я с Варламовым выступал в пьесе Островского «Не все коту масленица». Пьесу эту мы с ним играли на александринской сцене за два года до того, и дядя Костя позабыл порядком роль Ахова. первоклассно им сделанную под режиссерством Санина. К тому же пришлось играть с одной репетиции, а суфлер был неопытный. В третьем акте Ипполит (племянник куп-

ца Ахова), роль которого исполнял я, по пьесе выпивает для куражу и, приставив к своему горлу нож, требует дядино согласия подписать «аттестат», а не то — «чик — и земля!» — страшает он «булатом» отропешего самодура. Диалоги большие. Варламов с линейкой в руках должен парировать реплики Ипполита, но из-за моего бешеного темпа не слышит суфлера, волнуется, грозит, кричит, стучит от волнения линейкой и... ровно ничего не понимает, что подает суфлер. А между тем сцена требует безостановочной подачи реплик обоими играющими. Варламов не поспевает... Я перескакиваю на вторую реплику... третью... Нервничающий Варламов стучит линейкой и в то же время мучительно прислушивается к суфлеру, чтобы уловить то слово, которое ему нужно. Наконец, начинает неистово кричать: «Ну говори! А? (Взгляд в будку). Говори! А? (Опять в будку). Что же ты, черт, молчишь?!». И, не получая ответа, еще громче барабанит по столу линейкой, окончательно покрывая сбивше-

гося с толку суфлера. «Ну говори, говори же!» — кричит он мне и ему. — «Нет, дяденька! — уж от себя доканчиваю я, не зная, что делать дальше: — Я-то все сказал, а тепереча вы поговорите!» И вот тогда только, после гробовой паузы, слово было найдено, и все пошло, как по маслу.

Варламов один имел право говорить от себя в русских бытовых пьесах. Сам Островский в «Правда-хорошо» заметил его отсебятины, но не оскорбился, поняв, что они не идут вразрез с содержанием его произведения.

Сколько разных эпизодов из жизни этого милого и безобидного человека могли бы рассказать не только люди, близко стоявшие к нему, но и вообще его современники из публики. О капустниках, обедах, ужинах дяди Кости знал почти весь старый Петербург. Кого там только не бывало! Всех знать, конечно, было мудрено даже и самому хлебосольному хозяину.

В первый год моей службы я попал на обычный воскресный обед у дяди Кости. Народу было много: купцы, адвокаты,

доктора, военные, чиновники, артисты и артистки. Радужный хозяин равно всех угощал. За громадным столом шум, говор, веселье... В одной части стола особенно оживленно, там устроилась актерская братия. В центре гостей сам Варламов, а наискось с левой стороны от него, через двух сидящих приотлился молодой морской офицер, очень застенчивый и чувствующий себя не в своей тарелке. Варламов часто обращался к нему, но, видимо, сам не знал, откуда пришел к нему этот «иноземный» гость и как его величать. Я был в компании своих друзей александринцев. Неожиданно Саша Панчин прошептал нам:

— Давайте разыграем дядю Костю: видимо, он хочет все время заговорить с морячком, но не знает, кто это и где, и когда он с ним познакомился. Я подойду и спрошу Костю, как зовут этого морского офицера, следите за мной.

Он встал и направился к Варламову: они о чем-то пошептались, потом Панчин вернулся обратно к нам и, наклонив-

шись, тихо сказал: «Скажу, что фамилия его Фок, зовут Карл Густавович...» — и опять отошел к Варламову. Выполнив свой план, он снова уселся среди нас, и мы стали наблюдать за дядей Костей.

— Карл Густавович! — радостно и громко на весь стол раздался полнозвучный и симпатичный голос хозяина. — Что же вы сидите, как красная девица? Давайте-ка, барон, я налью вам вина!.. Барон, не хотите ли пирожка с капустой, селедочки? Ну, а теперь Карл Густавович, чокнемся-ка с вами... Да нет, какой там Карл Густавович, просто Карлуша! Правда, барон?

Варламов рассыпается в любезностях, продолжая называть гостя бароном. «Барон» готов сквозь землю провалиться, а дядя Костя все свое.

— Катя, Катюша! — обращается Варламов к сидящей рядом с морячком женщине, — ведь правда, мой Карлуша красавчик? Ты смотри, не измени мужичку-то! Ой-ой-ой! Да он краснеет. Ах ты милый, родной мой, ха-ха-ха! — заливается он на все лады от чистого сердца. — Да что же вы все молчите, барон?

Наконец «барон» не выдержал. Видимо, ему было не по себе носить маску барона, и он осторожно заметил:

— Простите меня, К. А., но вы принимаете меня за кого-то

другого: я не барон и не Карлуша, а просто Николай Петрович Попов.

«Как яблочко румян» — стал бедный дядя Костя. Смех сразу замер на его устах, и какое-то непонятное восклицание сорвалось с его губ. Растерянно оглядев всех вокруг, он укоризненно посмотрел в нашу сторону и покачал головой.

Такое радушие Варламов проявлял сплошь и рядом: дома, в гостях, в уборных, где он гримировался, как в Александринском театре, так и во всех провинциальных труппах, куда наезжал на гастроли. К нему входили люди, совершенно ему не знакомые, и всех он одинаково обнимал, целовал, приветливо называл их самыми ласковыми именами, умиляя их своеобразными словами и... почти ко всем обращался на «ты»: «Ах ты милый, золотой, родной, дорогой, хороший» и т. д. Понятно, запомнить всех своих поклонников и почитателей, «племянников и племянников» дядя Костя не мог при всей своей феноменальной памяти на лица. Все это выходило у него от души, просто, тепло, наивно.

**Курортная
газета**

3 стр. 22 мая 1968 г.